

О самостоятельной работе начинающего переводчика*

Я.И. Рецкер

При подготовке специалиста любого профиля в стенах высшего учебного заведения самостоятельной работе студента придаётся всё большее значение. Из практики советской высшей школы настойчиво изгоняются остатки школярства, начётничества, догматизма. Всемерно поощряется творческая инициатива учащегося, его стремление к глубокому проникновению в теоретические основы и к совершенствованию практических навыков в избранной им области. Конкретное отражение эти тенденции находят в учебных планах, предусматривающих дни самостоятельной работы на старших курсах вузов.

Несомненно, специфика профессии переводчика требует и всегда будет требовать систематической самостоятельной работы, непрерывного и настойчивого совершенствования своих знаний, умений и навыков. Причём особое значение приобретает начальный период самостоятельной работы в стенах вуза, где будущий переводчик-референт может выбрать правильное направление самоподготовки при помощи опытного преподавателя.

Многолетний опыт наблюдений над самостоятельной работой студентов в трёхлет-

ний период занятий по переводу (на III–V курсах факультета переводчиков) и над практической работой по специальности многих наших выпускников приводит к выводу, что правильно поставленное самосовершенствование имеет огромное, подчас решающее значение для дальнейшего роста специалиста.

Следует подчеркнуть: самостоятельная работа может дать большой эффект только при условии правильно избранного и рационально поставленного направления работы. Достаточно упомянуть об опасности увлечения художественным переводом, когда для успешной работы в этом труднейшем из всех жанров у студента нет достаточных данных. Для перевода художественной литературы на родной язык необходимо обострённое чувство языка и литературный талант. Правда, и то, и другое можно развить, но только при наличии основы, без которой самая упорная тренировка не даст положительных результатов.

Даже опубликование новелл и рассказов английских и американских писателей в переводах наших выпускников различными периодическими изданиями (всего их напечатано около двадцати за последние семь лет) не служит гарантией того, что эти переводчики займут прочное место среди мастеров художественного перевода. Среди

* Впервые статья опубликована в сборнике «Тетради переводчиков», вып. 15, М.: Изд-во «Международные отношения», 1978.

этих опубликованных переводов есть и удачные дипломные работы, выполненные с помощью преподавателя, другие явно свидетельствуют о том, что переводчик совершил «покушение с негодными средствами». И прежде всего потому, что взялся за слишком трудного для него автора.

Спору нет, вдумчивая и тщательная работа над переводом художественного текста приносит определённую пользу даже переводчику, не собирающемуся специализироваться в этой области. Ведь художественный текст с наибольшей полнотой отражает живую разговорную речь и национальную специфику иностранного языка. Но, с другой стороны, неудачи на этом поприще нередко приводят к тому, что переводчик, разочаровавшись в полученной им специальности, решает переквалифицироваться и перечёркивает весь пройденный им путь.

Поскольку художественный перевод нередко допускает различные решения, он не может служить школой точности в процессе обучения и совершенствования. Показательно, что некоторые признанные мастера художественного перевода пришли к нему от перевода технического или публицистического. Эффективным средством повышения квалификации переводчика на всех этапах его практической деятельности может служить анализ переводов. Разумеется, на разных этапах нужно выбирать для анализа дифференцированный по степени трудности материал. На первом этапе, когда у переводчика ещё отсутствует собственный опыт практической работы, лучше всего начинать с анализа публицистического перевода. И конечно, для начала следует выбрать высококачественный перевод, выполненный мастерски.

Не менее важно, чтобы анализ был целеустремлённым. Прежде чем приступить к анализу готового, опубликованного перевода, следует перевести иностранный текст самому, а уже затем приступить к анализу образцового перевода.

Сопоставление собственного перевода с опубликованным можно осуществлять разными способами. Можно начать со сверки последнего с подлинником и изучения приёмов, которыми пользовался признанный мастер перевода, преодолевая лексические, грамматические и стилистические трудности иностранного текста. Только при такой систематической проверке приёмов у анализирующего перевод создастся отчётливое представление о технике переводческого мастерства. Только сопоставляя все случаи перестановок и грамматических замен, можно проникнуть в тайны изменения порядка слов и членов предложения, выбора синтаксических конструкций при переводе с одного языка на другой, короче говоря, постигнуть систему грамматических изменений.

Важно учитывать, что, как и самый процесс перевода, анализ перевода должен быть комплексным. Это значит, что нельзя рассматривать грамматическую канву в отрыве от лексико-фразеологического и стилистического характера текста. Нельзя критиковать изменения синтаксического рисунка, разбивку предложений подлинника на части или их объединение в переводе, не учитывая их лексического наполнения и стилистической окраски. Переводчик оперирует смысловыми группами, своего рода «сборочными узлами», в которых грамматика, лексика, стиль сливаются в единое и неразрывное целое.

Чтобы облегчить сопоставление своего перевода с опубликованным и наметить ход анализа, целесообразно сначала проанализировать отрывок из опубликованного перевода книги, а уже потом взять другой отрывок для самостоятельного перевода и последующего сопоставления с опубликованным. Подобный опыт был проделан с выпускниками переводческого факультета МГПИИЯ на материале талантливого перевода автобиографической книги У. Сомерсета Моэма «Подводя итоги». Сначала был

произведён анализ перевода следующего отрывка из 3-ей главы:

"In this book I am going to try to sort out my thoughts on the subjects that have chiefly interested me during the course of my life. But such conclusions as I have come to have drifted about my mind like the wreckage of a foundered ship on a restless sea. It has seemed to me that if I set them down in some sort of order I should see for myself more distinctly what they really were and so might get some kind of coherence into them. I have long thought I should like to make such an attempt and more than once, when starting on a journey that was to last for several months, have determined to set about it. The opportunity seemed ideal. But I have always found that I was assailed by so many impressions, I saw so many strange things and met so many people who excited my fancy, that I had no time to reflect. The experience of the moment was so vivid that I could not attune my mind to introspection".

(W. Somerset Maugham
"The Summing Up", ch. 3)

«В этой книге я постараюсь привести в порядок свои мысли о тех предметах, которые больше всего занимали меня на протяжении моей жизни. До сих пор выводы, к которым я пришёл, носились у меня в голове, как обломки корабля в бурном море. Мне всё казалось, что, закрепив их на бумаге в известной последовательности, я смогу объединить их в нечто целое. Я уже давно подумывал о том, чтобы заняться этим, и не раз, отправляясь в долгое путешествие, решал, что вот теперь для этого наступило самое подходящее время. Но меня всегда захлёстывало столько впечатлений, я видел столько нового, встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать. Я так интенсивно жил настоящим, что хоть убей, не мог настроиться на интроспективный лад».

(У. Сомерсет Моэм «Подводя итоги».
Пер. М. Лорие, с. 17)

В этом отрывке отчётливо звучит голос автора, спокойно и неторопливо рассказывающего о своём жизненном пути. Язык его повествования очень прост; в данном отрывке только два книжных слова: coherence и introspection. Но и эти включения, характеризующие внутренний мир писателя-мыслителя, нисколько не нарушают общего разговорного тона повествования. Простота и разговорность языка сочетаются у автора с точным и метким выбором слов и впечатляющей выразительностью образов. Он

сравнивает выводы из своих наблюдений: "like the wreckage of a foundered ship on a restless sea" «как обломки корабля в бурном море». В этом сравнении опущение определения foundered в переводе несомненно оправдано: каждое лишнее слово ослабляет восприятие образа.

Уже в первом предложении стремление к выбору простых, разговорных, коренных русских слов в переводе со всей определённой сказывается в передаче сочетаний:

"to sort out my thoughts" «привести в порядок свои мысли» и "that have chiefly interested me" «которые больше всего занимали меня».

Русский язык, как правило, требует большей конкретности, чем английский. Это особенно ярко обнаруживается в переводе третьего предложения, где так конкретно и вместе с тем так точно и сжато выражена суть высказывания. О своих мыслях автор говорит: "... if I set them down in some sort of order" (...) "I might get some kind of coherence into them" « ... что, закрепив их на бумаге в известной последовательности, я смогу объединить их в нечто целое». Здесь конкретизированы два момента, выделенные мною в переводе. Важно учесть, что здесь заменено и книжное слово coherence. Очень удачно объединение в переводе фразы "the opportunity seemed ideal" с предыдущим предложением, так как они составляют логическое целое. И здесь разговорное начало проводится переводчиком неуклонно: вместо «идеальной возможности» более разговорное «самое подходящее время».

Необходимо учитывать, что значительная часть английской лексики, связанной своим происхождением с латынью, настолько органично вошла в литературно-разговорный стиль речи, что нисколько не выделяется на общем разговорном фоне, даже среди большинства слов англо-саксонского происхождения. Но когда в русском языке имеются слова, построенные на тех же латинских корнях, пусть даже заимствованных из французского языка, то их использование в переводе придаёт налёт

книжности, утяжеляет разговорную речь. В этом отрывке таких слов немало, и все они заменены исконно русскими словами в переводе. В первом предложении это *sort* и *interested*. В последних — *reflect*, *experience*, *moment* и *introspection*. Переводчица оставила только последнее как термин, замена которого потребовала бы слишком пространным объяснения: «сосредоточенность на самом себе, на своих собственных переживаниях». Но она смягчила этот «учёный» элемент, добавив: «не мог настроиться на интроспективный лад».

В конце отрывка мы находим яркое подчёркивание экспрессии в передаче выражений: “I was assailed by so many impressions ...” «Но меня всегда захлёстывало столько впечатлений ...» “... so many people (...) excited my fancy, that I had no time to reflect” «встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать». Простота языковых средств сочетается здесь с точностью и выразительностью.

Слишком эмоциональное «хоть убей» в последней фразе может показаться на первый взгляд излишней переводческой вольностью. Но только на первый взгляд. Вчитываясь в текст проникнутого тонкой иронией повествования Сомерсета Моэма, поражаешься его умению сочетать на языковой палитре самые разнообразные краски, переходить от возвышенного и даже патетического к низменному, вкрапливать в высокоинтеллектуальную ткань описаний и рассуждений коллоквиализмы и даже просторечие. Эта многокрасочность его стиля особенно чувствуется на страницах, где он, ещё начинающий писатель и драматург, сталкивается с признанными «мэтрами» в тогдашнем литературном мире и рисует их сатирические портреты.

Далеко не всегда у переводчика есть возможность передать стилистический приём именно там (и тем более так), где и как это сделано в подлиннике. Часто это

неосуществимо из-за «сопротивления материала», из-за специфики английского языка. Например, один из излюбленных приёмов Моэма: использование двойного управления с разными предлогами или предложными наречиями. У него этот приём может подчёркивать важнейшую мысль, как например, в следующих двух случаях:

“In fact the great critic must by a great man. He must be great enough to recognize with good-humoured resignation that his work, though so important, can have but an ephemeral value; for his merit is that he responds to the needs of, and points the way to, his own generation.” (Ch. 60).

Или на следующей странице: “The writer does not feel with, he feels in” «Писатель не сочувствует, он чувствует за других». Так передана эта лаконичная фраза в переводе М.Ф. Лорие. Аналогичный приём компенсации применён и в случае с включением «хоть убей», упомянутом выше.

Способность анализировать чужой перевод и критически подходить к своей работе можно развивать, тщательно разбирая результаты и неудачных опытов, анализируя слабые переводы (к счастью для читателей, они всё реже проникают в печать в последние годы)¹. Таким примером является перевод романа Дж. Б. Пристли «Герой-чудотворец»², изданный в Алма-Ате в 1960 году, где на каждой странице можно отметить ошибки, неточности, насилие над русским языком (этот перевод был высмеян в «Литературной газете»). Но лучше остановить выбор на переводе, выпущенном центральным издательством, например, издательством «Художественная литература», к тому же в серии «Роман-газета», выходящей полумиллионным тиражом.

В переводе романа Димфны Кьюсак «Жаркое лето в Берлине» (Москва, 1963 г.), наряду с несомненными достоинствами, можно отметить целый ряд промахов. Анализ ошибок и, в частности, буквализмов в

¹ Речь идёт о 1970–1980-х гг. — прим. ред.

² Даже название романа “Wonder Hero” («Калиф на час») искажено в данном переводе.

этом переводе в целом ряде случаев можно осуществить, даже не заглядывая в подлинник. «Слуга, облачённый в форму» — явно «в ливрею». «Скатерть из тончайшего дамасского полотна», конечно, «камчатая скатерть». «Я лежала в госпитале» вместо «в больнице». Трудно догадаться, что фраза «у старого британского льва есть ещё порох в пороховнице» (этот переводческий «тарасбульбизм») замещает английское *there is still plenty of kick left in the old British Lion*.

Следует обратить особое внимание на русский язык этого перевода. Можно подумать, что роман перевели два переводчика: один с несомненными способностями, находчивый и свободно владеющий богатством русского языка, и другой — косноязычный и непростительно небрежный. У первого при сверке с подлинником можно отметить немало переводческих находок и хорошее чувство стиля. Второй обнаруживает полную беспомощность даже там, где достаточно было бы заглянуть в англо-русский словарь, и поразительное пристрастие к употреблению руссизмов, советизмов и просторечия даже в авторском повествовании. Именно эта редкая для издаваемых у нас переводов мешанина делает данный роман в упомянутом переводе особенно ценным материалом для самоусовершенствования начинающих переводчиков. Чтобы дать представление о типичных случаях нарушения норм русского языка в этом переводе, достаточно привести следующие примеры:

«Карен невозмутимо принялась приводить в порядок свой грим с помощью продолговатой сумочки».

«Джой на секунду показалось, что она в двух лицах».

«Для женщин демократической страны вы недурно вышколены».

«Я слушаю разглагольствования о роли Западной Германии как защитника христианской цивилизации какого-нибудь субъекта».

В приведённом выше перечне даны лишь немногие примеры из перевода «Жар-

кого лета в Берлине». При тщательном сопоставлении с подлинником можно было бы в несколько раз увеличить число ошибок, неточностей и нарушений норм русского языка. Наряду с этим следовало бы отметить и несомненные удачи в этом переводе. Разумеется, подобный анализ перевода должен сопровождаться аргументацией: объяснением всех положительных и отрицательных моментов перевода. При этом следует избегать субъективных оценок и спорных моментов. Ведь перевод не арифметическая задача, допускающая лишь одно единственное решение. Объективность оценок обеспечивается языковыми нормами и обычаями. Если речь идёт о смысловой точности, то во многих случаях вопрос решается словарём. Если же требуется контекстуальное раскрытие значения, не предвиденного никакими словарями, то здесь вступают в силу факторы, для учёта которых необходимо считаться не только с узким контекстом, но порой с содержанием всего переводимого текста в целом.

Большую помощь при анализе переводов может оказать не только англо-русский (особенно двухтомный) словарь, но и толковые англо-английские словари, а также самый полный 17-томный словарь современного русского литературного языка. Именно в этом словаре, как правило, можно найти подтверждение правильности сочетаний и выражений, употреблённых переводчиком. Конечно, словарь фиксирует привычные, устоявшиеся языковые формы. Там, где от переводчика требуется преобразование структуры английского предложения или замена образа, не свойственного русскому языку, вопрос решается знаниями, вкусом и умением самого переводчика. Этого ни один словарь не заменит.

За последние годы в нашей специальной печати появилось несколько работ, в которых детально разбираются переводы. Эти критические статьи могут оказать большую помощь начинающему переводчику,

Наследие

особенно когда они сопровождаются глубоким анализом подлинника и подробно и конкретно рассматривают достоинства и недостатки перевода.

Среди работ такого рода выделяется своей ценностью статья М. Лорие «Уловки переводчиков»³, опубликованная в «Мастерстве перевода». Это детальный анализ далёкого от совершенства, мягко выражаясь, перевода романа Джозефа Хеллера «Уловка-22», даже само название которого искажено переводчиками.

Интересна и заслуживает внимания переводчиков статья Н. Семёновой «О переводе одного рассказа И. Шоу»⁴. В ней также приводится подробный анализ систематического нарушения смысловой и стилистической адекватности в переводе.

Очевидно, прежде чем попытаться анализировать чужие переводы самому, начинающий переводчик должен тщательно проштудировать образцы анализа и критики, выполненные мастерами перевода и литературоведами.

Я становлюсь переводчиком*

Т.В. Иванова

В своей книге «Мои современники, какими я их знала» Тамара Владимировна Иванова (1900–1995) рассказывает о Всеволоде Иванове, чьей женой и другом она была, и о людях, с которыми её связывала дружба: о В. Мейерхольде, К. Федине, А. Фадееве, И. Бабеле, Б. Пастернаке, М. Бажане, А. Кроне и других.

Александр Александрович Фадеев помог мне получить первый заказ на перевод.

Я освоила профессию переводчика художественной литературы с французского языка, когда мне исполнилось ни много ни мало 50 лет. Увлекалась я новой своей работой до самозабвения.

Моими первыми редакторами и одновременно учителями были Борис Аронович Песис и Наталья Ивановна Немчинова, к памяти о которых я отношусь с благоговейной благодарностью. Они оба, через десять лет моей переводческой деятельности, и рекомендацию мне давали при моём вступлении в Союз писателей.

³ См. «Мастерство перевода». Сборник седьмой. 1970. М., «Сов. писатель», 1971, с. 334–358.

* Из книги: Иванова Т.В. «Мои современники, какими я их знала: Очерки.» М.: Советский писатель, 1987.

Я глубоко уверена, что сложившемуся писателю редактор нужен только технический, а отнюдь не такой, который позволяет себе вмешиваться в сам творческий процесс. На Западе подобного института редакторов вообще не существует. Арагон, например, не раз говорил при мне с присущей ему неистовостью, что он «убил» бы того, кто осмеливался бы указывать ему, *что и как* писать.

Вопросу о редакторах отведено большое место в переписке Всеволода Иванова с Алексеем Максимовичем Горьким. Оба считали, сами редактируя молодых, что на каком-то этапе творческого созревания редактура, в особенности неквалифицированная, может лишь навредить писателю.

⁴ См. «Тетради переводчика», № 9. М., «Международные отношения», 1972, с. 91–100.